

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Благодарность	12
Введение	13

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ О ЯЗЫКЕ

Человеческий язык	27
Лингвистические понятия	31
Многообразие языков	39
Свойства языка	42
Универсалии	50
Пазлы, письмо и звучащая речь	54
Природа грамматики	58
<i>Генеративная грамматика</i>	61
<i>Коннекционистская грамматика</i>	63
<i>Функционалистская грамматика</i>	65
<i>Грамматические теории и происхождение языка</i>	68
Язык других существ?	70
Могут ли животные выучить язык?	80
Животные, роботы и сознательные существа	94
Могут ли роботы выучить язык?	100
Способны ли роботы создать язык?	101

ЧАСТЬ ВТОРАЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ

Мы и другие обезьяны	107
Развитие приматов	112
Двуногие обезьяны	115
Высечь из камня	117

Содержание

Род человеческий	123
Человеческое многообразие	135
Язык и биологический вид	138
Эволюция языка как такового	140
Дарвин и языковое многообразие	158
К вопросу языковых универсалий	167
Объяснение Дарвина	178
Естественный отбор	182
Половой отбор	184
Язык и естественный отбор	187
Наследственность, среда и язык	195
Наследственность или среда?	197
Наследственность. Как это работает?	199
Среда. Как это работает?	200
Естественно — значит хорошо и правильно?	202
Языковые инстинкты	203
Языковые гены	220
Готовый к языку мозг	226
Слева вовнутрь, справа наружу	228
Мозговые окаменелости	232
Мозговые связи	237
<i>Зеркальные нейроны</i>	240
Готовая к языку мысль	242
Сотрудничающие обезьяны	249
Важность помощи в родах	251
Язык и взаимопомощь	257
Как развивалась взаимовыручка?	260
Когда мы стали помогать друг другу?	268

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯЗЫКА

Кто заговорил первым	281
Окаменелости первых носителей языка	288
Ископаемые слушатели	291

Окаменелости: выводы	292
Говорили ли первые носители языка?	293
<i>Первый мыслитель</i>	293
<i>Первый мим</i>	297
Происхождение звуков языка	302
Тема первого разговора	306
Состязание певцов	308
Охотники за падалью	311
Язык власти и власть языка	315
Тишина в классе?	323
Вместо ловли блох	326
Социальный контроль	329
Независимое мышление — это здорово, но лучше думай так, как я хочу	331
Так о чем мы тогда заговорили?	336
Пещерный человек	343
Неандертальцы и <i>Homo sapiens</i>	347
Как разговаривали неандертальцы	351
Можно ли реконструировать язык неандертальцев?	353
Человек культурный	356
Культура и язык	358
Культурные животные	360
Культурные окаменелости	363
Первые языки	378
Без каких качеств язык мог бы обойтись?	379
Простейший язык	382
Что представляли собой первые слова	384
<i>Атомарный или холистический?</i>	387
Первая грамматика	390
Эволюция языковых инстинктов	394
Построить грамматику	397
Иерархическая грамматика	402
Где говорили на первом языке?	412

Содержание

Вокруг праязыка	415
Вопросы и ответы	416
<i>Мотивация или мутация?</i>	416
<i>Раньше или позже?</i>	417
<i>Внезапно или постепенно?</i>	418
<i>Атомарный или холистический?</i>	420
<i>Коммуникация, музыка или язык</i> <i>чистой мысли?</i>	420
<i>Звуковой, жестовый или смешанный?</i>	421
<i>Врожденный или приобретенный?</i>	422
Наша эволюция: от обезьяньей болтовни к человеческому слову	425

ПРЕДИСЛОВИЕ

- Папа, папа, почему она висит на хвосте?
 - Потому что так удобнее лазить по деревьям и собирать фрукты.
 - А зачем ей фрукты?
 - Чтобы есть. Она же обезьяна.
 - Почему ты называешь ее обезьяной, папа?
 - Потому что она обезьяна. Таких животных мы называем обезьянами.
 - А почему мы называем их обезьянами?
 - Потому что так нас научили, когда мы были маленькие.
 - Эй, обезьяна! Привет!
- Не получает ответа и снова поворачивается к отцу.
 - Папа, папа, почему она мне не отвечает?
 - Потому что не понимает, что ты говоришь.
 - А почему она не понимает, что я говорю?
 - Потому что обезьяны не умеют разговаривать.
 - Папа, почему обезьяны не умеют разговаривать?
 - Потому что они животные. Животные не умеют разговаривать.
 - Но папа, ты же говорил, что люди – это такие животные. Почему тогда люди умеют разговаривать?

Предисловие

И тут папа сдается. Ему потребуется написать целую книгу, чтобы ответить на этот вопрос.

Ту самую книгу, которую сейчас вы держите в руках.

Большинство детей примерно на четвертом году жизни или около того проходит в своем развитии период бесконечных «почему». Вопросы следуют один за другим и вытекают один из другого, потому что ни один ответ не может удовлетворить «почемучку». Так, постепенно папа устает отвечать, а ребенок спрашивать. Последнее в любом случае происходит, когда начинается школа. Если не раньше.

Я не уставал никогда. Я спрашивал и спрашивал и продолжаю делать это спустя вот уже почти пятьдесят лет. Отчасти это объясняется тем, что мой папа никогда не уставал отвечать. Я и сейчас иногда обращаюсь к нему. Но чаще приходится выкручиваться самому, потому что того, о чем я сейчас спрашиваю, не знает даже папа.

Все чаще мои размышления и вопросы касаются проблемы происхождения вещей и явлений, в конечном счете — становления мира в том виде, каким мы его знаем. Еще пяти-шестилетним мальчиком я открыл для себя литературу о космосе и окаменелостях и до сих пор храню кое-что из того, чем зачитывался в то время. Потом моими главными увлечениями стали эволюция и космология. Думаю, я был самым невыносимым учеником в начальной школе, потому что изматывал учителей своими вопросами. Когда же и мне надоело их спрашивать, я засел за книги.

Так шаг за шагом это привело к непродолжительной карьере в области физики элементарных частиц. Но вскоре после защиты в 1990 году в Швейцарии докторской диссертации об образовании лептонных пар при столкновениях протонов в ускорителе элементарных частиц я открыл для

себя нечто еще более захватывающее, чем физика, — язык. До того меня не особенно волновала эта тема, тем не менее я прошел курс общего языкознания на вечернем отделении. Больше ради развлечения, что не помешало мне осознать, насколько увлекательна эта новая для меня область и как много осталось вопросов, на которые до сих пор нет ответов, о том, как работает язык. Прежде всего само его происхождение — тайна, покрытая мраком. Так я постепенно осваивал эту новую для меня колею, что в конечном счете и привело к появлению этой книги.

Сегодня о происхождении языка нам известно намного больше, чем когда-либо. Далеко не все фрагменты пазла встали на место, но общие очертания картины время от времени проступают, и способствовать этому — занятие, достойное внимательного и пытливого исследователя — истинного детектива в сфере науки. В этом, по крайней мере, я надеюсь убедить читателя этой книгой.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Спасибо моему издателю Андерсу Бергману, который взял на себя труд выпустить в свет эту книгу и всячески воодушевлял меня в процессе работы над рукописью.

Спасибо моему папе Ларсу Юхансону, всегда поощрявшему мое научное любопытство.

Моим детям — Даниэлю, Кассандре, Фарамиру и Аине, — вдохновлявшим меня, в том числе и многочисленными анекдотами соответственно их возрасту. Гизелле Хоканссон и Йордану Златневу — преподавателям, пробудившим во мне интерес к языку и его происхождению.

Юхану Шёнсу, Эмилии Перланд и снова Гизелле Хоканссон — за бесценные комментарии и не менее значимое мнение о рукописи.

А также всем моим друзьям и коллегам по изучению эволюции языка и постоянным участникам конференции «Эволюнг»* — за их вдохновляющие доклады и лекции, публикации, дискуссии и не менее интересные приватные беседы за бокалом вина.

Спасибо Лорелее за поддержку, терпение и понимание.

* *Англ.* Evolution of Language International Conferences.

ВВЕДЕНИЕ

Собственно, что делает нас людьми, такими особенными, уникальными, не похожими на других животными? Уже одно слово «животные», употребленное по отношению к людям, оскорбляет многих из нас при всей биологической корректности такого обозначения.

Но мы и на самом деле в высшей степени необычные животные, хотя бы потому, что необыкновенно успешны в плане изменения облика этой планеты. В чем секрет нашей успешности? В чем наша необычность?

Испокоин веков естествоиспытатели и философы предлагали длинные списки якобы уникальных характеристик человека, и не только телесных. Само наличие души иногда считается специфически человеческим качеством, если только она действительно есть у человека и отсутствует у других животных — два вопроса, на которые до сих пор у нас нет однозначных ответов. При всех особенностях нашего тела в этом плане мы мало чем отличаемся от других обезьян. Кое-кто из мыслителей прошлого пытался свести проблему к поискам уникальных частей в нашем организме, но ни одна из подобных теорий не выдержала испытания временем.

То, что есть в нас уникального, не телесно.

Нравственность, отвага, интеллект, эмоции, личность, способность к сочувствию, любви или благочестию — вот лишь некоторые из не-телесных качеств, которые рассматривались исследователями как специфически человеческие.

Строго говоря, ни один из этих критериев нельзя отнести к научным. Потому что для того, чтобы утверждать, что некое качество является специфически человеческим, мы должны доказать для начала, что оно определенно есть у людей и не менее определенно отсутствует у других животных. Среди исследователей до сих пор нет однозначного согласия даже в отношении такой, казалось бы, очевидной черты, как интеллект. Не говоря о сложностях определения и измерения — а только таким образом и можно что-либо исключить — мужества у синих китов или нравственности у бурозубки обыкновенной.

При этом нам трудно избавиться от ощущения, что то, что отличает нас от других животных, находится в голове, что именно в этой части тела мы оснащены лучше, чем другие. Разумеется, и это всего лишь предубеждение, которому не следует доверять слепо. Слишком глубоко укоренилась в нас склонность противопоставлять себя другим, рассматривать себя в качестве мерила всего и вся, а в тех, кто от нас отличается, видеть прежде всего отклонение от нормы — в невыгодную для них сторону.

Мы смотрим свысока не только на животных. При любом контакте разных групп людей представители каждой замечают прежде всего собственные преимущества. «Мы против других» — этот шаблон застрял в нашем сознании с незапамятных времен. Более двух тысяч лет тому назад римляне считали неполноценными существами германских варваров, которые, в свою очередь, так же смотрели на изнеженных римлян. И началось это, конечно, гораздо раньше. Легко представить себе, как более 100 тысяч лет тому назад неандертальцы были неполноценными варварами в глазах первых представителей вида *Homo sapiens* и платили им за это той же монетой. И так оно продолжалось вплоть до недавнего времени. Только сегодня большинство из нас, хотя и далеко не все, начинает понимать,

что чувство превосходства над другим — не более чем иллюзия, опасное заблуждение, меньше всего способствующее достижению взаимопонимания.

Варваров прозвали варварами римляне, а до того — греки за язык, который звучал не как «настоящий» — греческий или латынь, — а как нечто невнятное: «вар-вар-вар». Именно язык отличал цивилизованных «нас» от неполноценных «их». Греки и римляне смотрели на свой язык как на норму и тех, кто разговаривал не так, называли «варварами». Язык был для них ключом к цивилизованности.

В этом смысле важная роль отводится языку и в Библии. И там он используется для различения «своих» и «чужих». В двенадцатой главе Книги Судей говорится, как правильное произнесение слова «шибболет» становится вопросом жизни и смерти. Уличенного в недопустимом диалектном выговоре казнят.

Есть в Библии история и о том, как языки были созданы, чтобы разделить изначально единое человечество. В главе о Вавилонской башне сказано, что первое время все люди говорили на одном языке и это наделяло их безграничными возможностями*. Но это не понравилось Богу, который, чтобы держать людей в повиновении, разделил их, заставив заговорить на разных языках, после чего они перестали понимать друг друга. В самом деле, более эффективного способа посеять раздор не придумать. Таким образом Библия объясняет многообразие языков.

При этом открытым остается вопрос о возникновении языка как такового. Язык существовал в самом начале Мира. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоанн 1: 1). И первое, что поручил Бог Адаму в райских кущах, — дать названия животным

* «И сказал Господь: вот один народ, и один язык, и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать» (1. Моисей, 11: 6).

(1. Моисей 2: 19), то есть это было лингвистическое задание, предполагающее, что к тому времени Адам уже владел каким-то языком. Если учесть, что на тот момент нашему общему праотцу было несколько дней от роду, логично предположить, что он был создан с готовым языком в голове, в котором отсутствовали только названия животных.

Так или иначе, в Библии язык — первое человеческое качество, которое подчеркивается в Адаме. Человек дает названия животным, не наоборот. И по сей день язык — одна из немногих неоспоримых характеристик, отличающих человека от прочей твари. Именно язык может стать ключом к пониманию сути нашей «человечности».

Но чтобы ответить на вопрос, почему у людей есть язык, одной Библии мало. Прежде чем приступить к проблеме происхождения языка, нам нужно разобраться с самим языком, его природой и структурой, а также с природой человека как биологического вида и его эволюционным развитием. Мы должны понять, что представляет собой мышление и как работает наш мозг. Чтобы ответить на вопрос, каким образом у людей появился язык, нам следует принять во внимание результаты исследований в самых разных областях знания. Не только собственно в лингвистике, но и в эволюционной биологии, палеоантропологии, археологии, приматологии, генетике, анатомии, этологии, нейробиологии, когнитивных исследованиях, психологии, социальной антропологии — и это далеко не полный список.

Все это может затруднить понимание вопроса, не в последнюю очередь для тех, кто является специалистом в какой-либо одной отрасли, а с остальными имеет в лучшем случае шапочное знакомство. Я не обещаю вам глубокого погружения в каждую из перечисленных выше наук, но окунуться в некоторые темы придется. Большого, будучи

ограничены рамками этой книги, мы, к сожалению, позволить себе не можем. Из опасения потерять нить рассуждения я упрощал, упуская некоторые несущественные для нас детали. В большинстве случаев я отдаю себе отчет в сложности и неоднозначности затрагиваемых вопросов, но предпочитаю давать лишь общую картину состояния научной проблемы на сегодняшний день, не усложняя ее больше самого необходимого.

Природа языка оставалась в центре внимания философов с тех самых пор, до которых мы можем проследить историю философии. За триста с лишним лет до начала нашей эры великий древнегреческий мыслитель Аристотель рассматривал язык как разделительную черту между миром человека и животных. А младший коллега Аристотеля Эпикур выдвинул первую из известных теорий происхождения языка. Согласно философу, язык начинался с врожденных реакций людей на различные переживания. Каждое определенное переживание заставляло человека издавать определенный звук, который и становился знаком этого переживания. Такая система врожденных звуков для разных переживаний и послужила основой для возникновения языка. Непонятно только, откуда взялись эти врожденные реакции? Об этом теория Эпикура умалчивает.

Спустя две тысячи лет интерес к проблеме происхождения языка проявили философы Просвещения. Готфрид Вильгельм Лейбниц, более известный своими математическими трудами, опубликовал идеи на этот счет в 1710 году и свел основы первоначального языка к звукоподражанию — словам вроде «мяу» или «кукареку», которые, хоть и в небольшом количестве, до сих пор сохраняются в нашем лексиконе.

Француз Этьен Бонно де Кондильяк в опубликованном в 1746 году «Опыте о происхождении человеческих знаний» размышлял о том, что язык мог начинаться с жестов и пантомимы, которые впоследствии трансформировались в систему знаков. Похожие мысли высказал в 1765 году шотландский философ Томас Рид — не то под влиянием Кондильяка, не то независимо от него. Он же рассуждал о связи языка и искусства.

Даже швейцарский политический философ Жан-Жак Руссо, более известный благодаря идее «благородного дикаря»*, отдал дань этой животрепещущей теме. В полемике с Кондильяком Руссо высказал мысль, что, общаясь между собой, «благородные дикари» использовали как жесты, так и звуки. Жестами они выражали смысл высказывания, а звуками — эмоции. Впоследствии ритуалы и песнопения сыграли ключевую роль в трансформации звуков и жестов в настоящий язык.

Еще один представитель того славного поколения шотландец Джеймс Бернет, лорд Монбоддо, может быть с полным правом назван лингвистом, а не просто философом, размышляющим на досуге на тему языка. Так или иначе, Монбоддо можно причислить к тем, кто заложил основы современной сравнительной и исторической лингвистики. Пытаясь проследить историю разных языков и их родство, Монбоддо не мог обойти стороной вопрос о происхождении языка как такового. Он сделал упор на социальную функцию языка и поставил во главу угла имитацию, то есть умение подражать. Интересно, что на эту и некоторые другие идеи его вдохновили наблюдения за общением орангутанов в неволе. До рождения Дарвина оставалось

* «Благородный дикарь» (*фр.* *Von sauvage*) — тип персонажа, популярный в литературе эпохи Просвещения. Призван иллюстрировать врожденную добродетель человека до соприкосновения с развращающей цивилизацией. — *Прим. пер.*

несколько десятилетий, и было далеко не очевидно, что происхождение языка следует связывать с эволюцией человека как биологического вида и обезьяны имеют к этому самое прямое отношение. Но Монбоддо мыслил в этом направлении, даже если эволюционные идеи и не получили у него должного оформления.

Следующим ученым XVIII века, занимавшимся проблемой происхождения языка, был Иоганн Готфрид Гердер, которого принято называть немецким философом, хотя Германии как таковой в то время не существовало* и родной город Гердера Моронг находился в Польше. Будучи дружен с Гёте, Гердер внес свой вклад в укрепление национального самосознания немцев, но в политике был скорее радикалом, чем консерватором, и поддерживал Французскую революцию.

Наиболее заметный след Гердер оставил в литературоведении, однако в 1772 году опубликовал целую книгу о происхождении языка. В ней он рассуждает о так называемом естественном языке — всех тех звуках, которые используют животные и люди для выражения своих чувств: криков боли, желания и так далее.

Но истоки человеческого языка Гердер видит совсем в другом. Не в «естественном языке», а в том, что отличает нас от животных и объясняет, почему у нас есть полноценный язык, а у них — только «естественный». Идеи Гердера на этот счет интересны и имеют параллели в современных теориях эволюции человека.

Всех животных, кроме человека, Гердер считал более или менее специализированными, то есть подверженными специфическим инстинктам, которые рассчитаны на

* В это период Германия еще входила в состав и была ядром Священной Римской империи германской нации (962–1806) — надгосударственного союза итальянских, немецких, франкских и западнославянских государств и народов. — *Прим. ред.*